

В.И. СУПРУН, Е.В. БРЫСИНА

**НАУЧНЫЙ ПОДВИГ
РУССКОГО НЕМЦА:
К 90-летию ИЗБРАНИЯ МАКСА
ФАСМЕРА ИНОСТРАННЫМ
ЧЛЕНОМ-КОРРЕСПОНДЕНТОМ
АН СССР, 60-летию ВЫХОДА
В СВЕТ ЕГО «ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО
СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА»
НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ И 45-летию
ПУБЛИКАЦИИ РУССКОГО
ПЕРЕВОДА, ОСУЩЕСТВЛЕННОГО
О.Н. ТРУБАЧЁВЫМ**

По рождению, по культуре,
приобретенной в детстве, по образованию
он [Макс Фасмер] был русским
человеком, ученым,
сохранившим верность русской
теме до конца жизни.

Он был филологом русской школы <...>

Академик О.Н. Трубачёв

Недавно в Интернете и в прессе определенного направления была развернута дискуссия о словаре Макса Фасмера, а точнее говоря, травля выдающегося ученого, автора лучшего этимологического словаря русского языка. Лица свободных профес-

сий, малоизвестные писатели и откровенные фрики, ничего не понимая в этимологии, набросились на главный труд этого русского немца, коверкая по пути его биографию, приписывая ученому взгляды, никогда им не высказываемые. Можно было не обращать внимания на эту лженаучную вакханалию – мало ли всякого бреда размещается в Интернете и в желтой прессе! Но неожиданно к потоку инсинуаций в адрес Макса Фасмера подключилась солидная «Литературная газета», опубликовавшая статью, которую научное сообщество расценило как клеветническую. Более пятисот российских и зарубежных русистов и славистов, включая профессоров ВГСПУ, подписало письмо, подготовленное академиком А.Е. Аникиным, в котором говорилось: «Считаю необходимым заявить, что эта статья является невежественной клеветой на великого ученого» [1].

Полемизировать с фриками – пустое дело. Полезнее для современного филологического сообщества вспомнить о жизненном и творческом пути Максимилиана (Максима) Романовича Фасмера, как его именовали в России. 15 (28) февраля 1886 г. в Санкт-Петербурге в купеческой семье родился мальчик, которого по немецкому обычаю назвали тремя именами – Max Julius Friedrich. Отец Фасмера Рихард Юлий Фридрих и мать Амалия Мария Юлиа (урожденная Шауб) приехали в Петербург в конце XIX в. из небольшого немецкого города Альтоны близ Гамбурга (Альтона в 1938 г. влилась в этот крупный город, а в давние времена была столицей герцогства Гольштейн). В 1897 г. ребенка отдали учиться сразу во второй класс школы Карла Мая на 10-й линии Васильевского острова, которая пользовалась заслуженной популярностью у «василеостровских немцев» [4, с. 294]. Учеников школы называли в шутку «майскими жуками». В этой школе учились целые поколения Рерихов, Римских-Корсаковых, Семёновых-Тян-Шанских, Бенуа и других известных деятелей русского искусства и отечественной науки. С 1882 г. обучение в гимназии велось на русском языке, но здесь в большом объеме изучались немецкий и французский языки, а также латынь и древнегреческий [2]. Позже О.Н. Трубачёв отмечал: «Русский язык он знал и говорил на нем так, как говорят на родном языке <...>» [16, с. 566]. М.А. Бобрик замечает, что эпистолярный русский язык М. Фасмера был безупречен [3, с. 105].

В 1903 г. Макс получил в гимназии аттестат зрелости. В нем было отмечено, что «исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ отличная, прилежание отличное и любознательность по всем предметам живая». Биографы отмечают, что Фасмер «с детства вла-

дел русским и немецким языками» [26, с. 10]. Правда, средний балл его аттестата в гимназии был невысоким – всего 3,8, а в графе «русский язык и словесность» вообще стояла оценка 3. Отличными оценками отмечены Закон Божий, математическая география и немецкий язык. Видимо, все же пока немецкий у него превалировал, а русским в совершенстве он овладел в университете.

В 1903 г. Макс поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Здесь его учителем стал замечательный ученый-языковед Иван Александрович (Jan Niecisław Ignacy) Бодуэн де Куртене (1845–1929). Сам безмерно увлеченный языковедением и знающий много языков, Бодуэн увидел в талантливом ученике способность к творческому восприятию языковых процессов, к сравнению языков и диалектов. Вторым учителем, который оказал большое влияние на молодого исследователя, был академик Алексей Александрович Шахматов (1864–1920). Позже Фасмер вспоминал, что был благодарен каждому воскресному утру, когда он приходил к Шахматову и проводил время с ним и другими учеными, которые собирались в его квартире [20]. О воскресных приемах у Шахматова вспоминают литературовед академик Павел Никитич Сакулин (1868–1930) [12], языковед Василий Ильич Чернышёв (1866–1949) [19].

Главным для Макса была учеба. Его однокурсник Дмитрий Захарович Мануильский (1883–1959), вступивший в РСДРП и активно участвующий в революции 1905 г., смешно имитировал Фасмера, уговаривавшего его и других революционеров «делать вашу русскую революцию не столь громогласно: мешаете же готовиться к сессии» (цит. по: [13, с. 17]). Об этом вспомнил другой однокурсник Фасмера Николай Васильевич Крыленко (1885–1938), будущий верховный главнокомандующий российской армии после Октябрьской революции 1917 г., один из организаторов массовых репрессий, сам от них же пострадавший.

Уже на втором курсе Макс Фасмер начал работу над «Греко-славянскими этюдами», посвященными греческим заимствованиям в церковнославянском и русском языках. Еще во время его учебы в 1906 г. в Известиях Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук была опубликована первая статья, затем в 1907-м и 1909-м – вторая и третья части, которые сразу сделали 23-летнего исследователя знаменитым.

Осенью 1907 г. Макс Фасмер завершил обучение в университете, получил диплом первой степени и был оставлен при факультете «для приготовления к профессорской и преподавательской деятельности по кафедре сравнительного языкознания, без стипендии» сроком на два года. Одновременно он работал в гимназии Карла Мая преподавателем немецкого языка в старших классах, в этой должности оставался до весны 1910 г. 7 мая 1907 г. Фасмер принял присягу на подданство России, до этого у него, как и у отца, был германский паспорт [4, с. 296].

В 1908 г. выпускник университета публикует в ведущем российском византоведческом периодическом издании «Византийский временник» исследование о памятнике среднегреческого языка XIII в. «Рѣчь тонкословія греческаго».

С 1 мая по 20 сентября 1909 г. Фасмер находился в заграничной командировке. Подготовка к профессорской должности молодой выпускник проходил в Греции, где он изучал диалекты греческого языка, а также албанский язык. Как ученый позже вспоминал, именно тогда у него возникла мысль о написании русского этимологического словаря, но до ее воплощения еще оставалось несколько десятков лет.

В Греции Фасмер заболел малярией и уехал на лечение в Финляндию, где начал учить финский язык и фольклор. Потом на два года он отправился в европейские университеты. В Кракове его обучением руководил профессор индоевропейских языков Ян Михал Розвадовский (1867–1935), в Вене – этимолог и фольклорист Рудольф Мерингер (1859–1931), а в Граце он провел целый учебный год, изучая словенский язык и рассуждая за круглым столом под председательством Матиаша (Матвея Мартыновича) Мурко (1861–1952) о «словах и вещах» (Wörter und Sachen). М. Мурко, как и другие представители этой австрийской лингвистической школы, призывали изучать слова в связи с вещами, которые они обозначают, в лингвистических исследованиях учитывать культурный контекст [6]. Во время пребывания в Кракове Фасмер написал и передал для публикации в польский научный журнал «Rocznik Slawistyczny» обширную статью «Kritisches und Antikritisches zur neueren slavischen Etymologie» («Критическое и антикритическое к новой славянской этимологии») объемом около 150 страниц, которая была опубликована по частям в 1910–1913 гг.

Почувствовав, что готов к преподавательской деятельности, 8 ноября 1910 г. Фасмер защитил магистерскую диссертацию на материале третьей части «Греко-славянских этюдов». За эту работу он получил премию имени М.И. Михельсона Академии наук. Премия была учреждена на собственные средства в 1898 г. собирателем русской фразеологии, писателем, педагогом и государственным деятелем Морицем Ильичом Михельсоном (1825–1908), она присуждалась Вторым отделением Академии наук «за труды в области науки о русском языке». Ежегодно вручались три премии в размере 1000, 500 и 300 рублей [5, с. 63]. Отзыв на труд Макса Фасмера написал русский филолог-классик, славист, востоковед Фёдор Евгеньевич Корш (1845–1915). Он писал: «<...> труд г. Фасмера отличается такими крупными достоинствами, что, несомненно, заслуживает полной премии Михельсона» [8, с. 623]. В том же году М. Фасмер сдал экзамены *pro venia legendi* (на право чтения лекций) и начал преподавание в Санкт-Петербургском университете в должности приват-доцента.

1 июня 1910 г. молодой ученый получил вторую командировку за границу «для приготовления к профессорскому званию» с содержанием в 2 000 рублей в год из сумм Министерства народного просвещения. За границей Макс Фасмер женился, его избранницей стала дочь Бодуэн де Куртенэ Цезария. Молодые оповестили знакомых: «Максим Романович Фасмер и Цезария Ивановна, урожденная Бодуэн де Куртенэ, имели честь известить, что бракосочетание их состоялось 12 сентября 1910 г. в Витовте в Западной Галиции» [4, с. 296]. Этот брак продержался всего четыре года. Цезария позже стала известным этнографом и историком культуры в Варшавском университете. А Макс женился на Эльзе Нипп, с которой уже не расставался.

С 6 по 14 апреля 1912 г. Макс Фасмер участвует в 16-м Международном конгрессе востоковедов в Афинах. Он выступает с докладом о значении древнерусских азбуковников для изучения среднегреческого (византийского) языка. В том же году Фасмер становится профессором славянской филологии, индоевропейского и сравнительного языкознания на Высших женских бестужевских курсах [20]. В 1913 г. он был награжден светло-бронзовой медалью для ношения на груди в память 300-летия царствования Дома Романовых.

В 1914 г. в Москве в известной типографии Г.Э. Лисснера и Д. Собко вышла его книга «Исследование в области древнегреческой

фонетики». 18 мая 1915 г. по этому исследованию им была защищена диссертация на соискание степени доктора сравнительного языкознания. Фасмер был назначен на должность старшего ассистента кабинета экспериментальной фонетики университета с оставлением приват-доцентом.

Вскоре после Февральской революции 1917 г. в Саратовском университете, в котором после основания в 1909 г. был только медицинский факультет, открывается историко-филологический факультет, который возглавил известный философ Семён Людвигович Франк (1877–1950). Нужны были кадры для организации научной и педагогической деятельности. Постановлением Временного правительства от 1 июля 1917 г. по представлению неперменного секретаря Академии наук и министра народного просвещения Сергея Фёдоровича Ольденбурга (1863–1934) Фасмер был утвержден ординарным профессором по кафедре индогерманского языкознания и славянской филологии Саратовского университета. Он читал студентам «Введение в языкознание», «Старославянский язык», «Польский язык», преподавал немецкий язык. Членам Саратовской ученой архивной комиссии профессор Фасмер предложил такую программу своих чтений:

1. *Взаимоотношение индоевропейских языков. Родина индоевропейцев.*

2. *Взаимоотношение угро-финских языков.*

3. *Турецко-татарские языки. Вопрос о болгарях.*

4. *Родина славян.*

Позже он вспоминал, что задержка на год (реально – не более 4–5 месяцев) в Саратове была интересной, потому что можно было услышать новые языки, например калмыцкий. Он общался с коллегами-профессорами Саратовского университета и их семьями, устраивал домашние концерты, играя на пианино. Кроме того, недалеко от Саратова находилась немецкая колония, которая сохранила язык, песни и обычаи, восходящие к XVIII в., что вызвало у М. Фасмера желание создать диалектный словарь поволжских немцев. При этом он стремился также работать над саратовским русским диалектным словарем, завершённый вариант которого передал на хранение в Саратовскую ученую архивную комиссию. Судьба этого документа нам неизвестна.

После Октябрьской революции 1917 г. Фасмер выезжает в Финляндию. Здесь он принимает решение не возвращаться в Саратов.

По воспоминаниям жены, 8 ноября 1917 г. восемь вооруженных людей с санкции военной секции произвели у них обыск, который проводился грубо. «Обыскивающие прихватили с собой две коробки: с вином и вещами». Они вошли и в комнату профессора Фасмера, спросили, нет ли у него оружия, «но обыскивать не стали». Фасмер предчувствовал, что в революционной атмосфере подобные обыски будут регулярно повторяться, поэтому возвращаться в Россию отказался. В 1918 г. он подает заявление в Тартуский сельскохозяйственный университет с просьбой принять его приват-доцентом. В 1919 г. по рекомендации И.А. Бодуэна де Куртенэ и профессора Хельсинского университета Иосифа Юлиуса Микколлы (1866–1946) он был избран ординарным профессором сравнительного языкознания университета в Тарту. Опираясь на свои знания финского языка, сравнив немецкий и эстонский текст Евангелия и обратившись к книгам, он выучил эстонский язык и стал читать лекции по-эстонски. Вместе с эстонскими коллегами он подготовил предложение о подготовке словаря прибалтийско-немецкого разговорного языка. Лексикографическая работа была постоянно в планах ученого.

2 февраля 1920 г. был подписан мирный договор между Эстонией и РСФСР. На его основании в Тарту была возвращена библиотека университета, которая в годы Первой мировой войны была эвакуирована в Воронеж. Макс Фасмер участвовал в этом деле, выезжал в Россию. Одновременно он переправил из Саратова свою личную библиотеку, на основании которой впоследствии работал над своим словарем.

В 1921 г. он переезжает в Лейпциг, где поступает на должность ординарного профессора кафедры славянской филологии историко-филологического отделения философского факультета Лейпцигского университета. Ходатайство ему дает Матиаш Мурко, с которым они познакомились в Граце [20]. Здесь он основывает с литовским ученым Георгом Герулисом (1888–1945) при университете Балто-славянский институт. Он становится также содиректором и сотрудником Саксонского индогерманского института, Института Юго-Восточной Европы и ислама. В 1922 г. Фасмер публикует под эгидой Балто-славянского института книгу «Ein russisch-byzantinisches Gesprächbuch» («Русско-византийский разговорник»), в которой продолжает исследование «Рѣчи тонкословия греческого», начатое в 1908 г. и продолженное в докладе на кон-

грессе в Афинах в 1912 г. Он уточнил, что памятник относится не к XIII, а к XIV в. Судя по пространному рассказу о спонсорах издания, жизнь ученого в тогдашней Германии была сложной. На издание книги ему жертвовали небольшие суммы в немецких марках, английских фунтах стерлингов, чешских кронах коммерсанты, банкиры, книготорговцы. Фасмер с горечью отмечал, что с изданием второй книги (первой было исследование его ученика Г.Ф. Шмида «Перевод Мефодием “Номоканона”») «средства института полностью исчерпаны» [36].

В 1923 г. его избирают ординарным членом филолого-исторического класса Саксонской академии наук. Ученый публикует книгу «Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. Teil I: Die Iranier, in Südrussland» («Исследование древнейших мест проживания славян. Часть I: Иранцы в Южной России»). В 1924 г. им был основан журнал «Zeitschrift für slavische Philologie» («Журнал славянской филологии»), который вскоре стал одним из ведущих зарубежных славистских изданий и выходит доныне. Он стал своеобразным продолжением основанного в 1876 г. журнала знаменитого филолога-слависта, академика Петербургской АН Ватрослава (Игнатия Викентьевича) Ягича (1838–1923) «Archiv für slavische Philologie», который был закрыт с началом Первой мировой войны [11]. В своем журнале Фасмер публиковали статьи по русской грамматике, фонетике, этимологии.

Макс Фасмер был разносторонним ученым. Его интересовало все в славянской культуре. В 1924 г. он обращается к профессорам музыковеду, историку балета, «майскому жуку» Георгию Алексеевичу Римскому-Корсакову (1891–1971) и знатоку духовной музыки, палеографу, писателю, педагогу Антонину Викторовичу Преображенскому (1870–1929) с предложением об их участии в издании истории музыки славянских народов [4, с. 297]. Кажется, этот проект увлеченного слависта остался неосуществленным.

В 1925 г. Фасмер переехал в Берлин, где после выхода на пенсию польского историка литературы, языковеда, этимолога, литауниста Александра Брюкнера (1856–1939) поступает на должность ординарного профессора Славянского института в Берлинском университете Фридриха-Вильгельма, где работал до 1945 г. Решение об организации института и назначении Фасмера его руководителем принял прусский министр образования Карл Генрих Беккер [3, с. 117], основатель современной

ориенталистики и реформатор высшего образования в Веймарской республике.

Фасмер вместе со славистом и балтистом, выпускником Кёнигсбергского университета (Альбертины) Райнгольдом Траутманном (1883–1951) (см. о нем: [31]) задумал серию из 90 томов «Grundrisse der slavischen Philologie und Kulturgeschichte» («Очерки славянской филологии и истории культуры»), свет увидело лишь 12 томов (Berlin, Leipzig, 1925–1933). В этом проявилась еще одна черта М. Фасмера: его планы и идеи были столь грандиозны, что для их выполнения не всегда хватало сил, времени, средств.

В 1926 г. Фасмер приехал в СССР, он участвовал в научной конференции в Минске. 14 января 1928 г. ученый был избран иностранным членом-корреспондентом по разряду лингвистики (славянская филология) Отделения гуманитарных наук Академии наук СССР. Он был выдвинут академиками славистом, этнографом, фольклористом, палеографом, основоположником белорусской филологии Евфимием Фёдоровичем Карским (1860/1861–1931) и историком языка, этимологом, лексикографом, диалектологом Борисом Михайловичем Ляпуновым (1862–1943), которые писали в «Записке об ученых трудах проф. М.Р. Фасмера»: «Максим Романович Фасмер в настоящее время в Западной Европе является одним из выдающихся лингвистов-славяноведов. <...> Его выводы по разным вопросам основываются на богатом материале, собранном им в русской и западноевропейской науке» (цит. по: [10]).

В 1930–1931 гг. его приглашают в Швецию, где он выступает с лекциями в Лунде, Уппсале и Стокгольме. Вернувшись, ученый занимается проблемами славянской этнологии, с 1932 по 1936 г. он публикует в Берлине 4 тома «Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas» («Очерки исторической этнологии Восточной Европы»), они явились продолжением его предыдущей книги о древнейших местах проживания славян (тогда было заявлено, что книга – первая часть, но продолжения не последовало), на этот раз он рассказывает о восточной границе балтийских племен (том 1), о территории прежнего распространения западнофинских племен на землях славян (том 2), о племенах мери и черемисов (марийцев) (том 3), о прежних местах проживания лапонцев (саамов) и пермяков на севере России (том 4).

В 1937 г. Фасмера приглашают в Колумбийский университет в Нью-Йорке, где он в

течение двух лет читает лекции студентам. Надо отметить, что в те годы Германия была весьма непопулярна в Соединенных Штатах, поэтому приглашение Фасмера свидетельствовало об уважении не только к его научному авторитету, но и к политической позиции. В Нью-Йорке он начинает систематически работать над составлением словарных статей для этимологического словаря русского языка.

Фасмер оказывал материальную помощь проживающей в Чехословакии Нине Владимировне Толль (1898–1967) – дочери академика Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945), а тот передавал деньги живущим в Ленинграде матери и брату Макса. Эта передача сыграла печальную роль в судьбе Рихарда Фасмера, крупного ученого-ориенталиста, хранителя восточных монет Эрмитажа. В январе 1934 г. ОГПУ фабрикует дело о Российской национальной партии. По нему арестовывают Рихарда Рихардовича Фасмера (1888–1938), которого называют «передаточным звеном нелегальной связи между центром РНП с фашистскими кругами». Переданные на содержание семьи деньги расценены как финансирование подпольной организации [4, с. 298].

Еще в 1937 г. и потом, вернувшись из США, в 1940–1941 гг. Фасмер читает лекции в Софии, Будапеште, Бухаресте и Хельсинки. В 1938 г. он публикует в Берлине книгу «Bausteine zur Geschichte der deutsch-slavischen geistigen Beziehungen» («Основы истории немецко-славянских духовных связей»).

Во время Второй мировой войны Макс Фасмеру было нелегко. Научный престиж, спокойный характер и умение ладить с людьми позволили ему сохранить себя в фашистском кошмаре. С 1933 г. он был членом Церкви исповедания (Bekennende Kirche) – той части протестантской церкви в Германии, которая открыто противопоставила себя национал-социалистическому режиму [3, с. 109]. Он не вступил в нацистскую партию, в его кабинете не висел портрет Гитлера [7]. Уже одно это было проявлением храбрости в то жестокое время. На работу он ходил с двумя портфелями, чтобы не надо было свободной рукой отвечать на нацистское приветствие. Позже в одной из записок он назвал Гитлера Антихристом [3, с. 103, 115]. В своем журнале он публиковал только научные статьи, не поддаваясь нацистским фантазиям о великом арийском прошлом. Так, он отклонил статью национал-социалистического публициста и пропагандиста Йоганна фон Леерса, в которой название

хорватов объяснялось из германского языка, оценив ее как «совершенно ложную» [20].

Фасмер совершал и другие достойные честного человека поступки. После захвата фашистами Польши он сумел вызволить из концлагеря Заксенхаузен нескольких польских ученых. Во время оккупации Кракова польский славист и диалектолог Казимир Нитш (Нич) (1874–1958) и его ученик Станислав Урбанчик (1909–2001) благодаря ходатайству Фасмера смогли получить работу в бывшей университетской библиотеке. Получив открытку с обратным адресом «Концентрационный лагерь Бухенвальд» от слависта Бориса Унбегауна, о котором Никита Ильич Толстой позже сказал, что это «ученый с нерусской фамилией, но с русским самосознанием, русским сердцем и русской нелегкой судьбой», Фасмер не только сумел добиться его освобождения, но и зачислил сотрудником к себе на кафедру. Борис Генрихович (Boris Ottokar) Унбегаун благополучно дожил до конца войны и вернулся во Францию, куда он эмигрировал из России после Гражданской войны. Позже Унбегаун (1898–1973) преподавал в Оксфорде и Нью-Йорке [14].

Во время войны Макс Фасмер продолжал заниматься преподавательской и научно-исследовательской деятельностью. Занятия на его кафедре велись до февраля 1945 г. В 1941 г. он опубликовал книги «Die Slaven in Griechenland» («Славяне в Греции»), «Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands» («Старые взаимоотношения населения России»). В том же году его избрали членом-корреспондентом Болгарской академии наук. В 1944 г. вышла как бы четвертая часть его «Греко-славянских этюдов» – книга «Griechische Lehnwörter im Serbokroatischen» («Греческие заимствования в сербохорватском языке»).

Но главным образом он продолжал трудиться над статьями этимологического словаря. Работа успешно продолжалась, близилась к концу. Но здесь его ждало несчастье. 30 января 1944 г. в дом Фасмера попала фугасная бомба. Сам ученый не пострадал, он в это время находился в бомбоубежище, однако его библиотека и рукописи, включая картотеку для этимологического словаря, были уничтожены. Его ученик балканолог Норберт Рейтер (1928–2009) вспоминал об этом событии: «У Фасмера была богатая, тщательно подобранная домашняя филологическая библиотека, которой он очень гордился. Когда однажды после бомбежки он вернулся из подвала в изрядно разрушенную квартиру, он в первую очередь бес-

покоился о книгах. Книги, как ему показалось, слава Богу, не пострадали; ровными рядами они стояли на своих местах. Но при первом прикосновении они рассыпались в прах» [3, с. 116].

Другой бы опустил руки, но русско-немецкий характер Фасмера заставил его собраться с силами и начать формировать библиотеку заново, ездить в разные города, разыскивая нужные книги. Сразу он пользовался библиотекой Славянского института, а затем другими берлинскими библиотеками. За это время он не издал ни одной книги, не написал ни одной статьи, уделяя все время восстановлению картотеки словаря. Всего в список использованной литературы в этимологическом словаре М. Фасмера включено 500 наименований книг и журналов.

1 октября 1946 г. Макс Фасмер выступил на русском и немецком языках на ужине в честь советских деятелей искусства в «Культурном объединении демократического обновления Германии» («Kulturbund zur demokratischen Erneuerung Deutschlands») в Берлине. В 1946 г. находящийся на территории Восточного Берлина Славянский институт возобновил свою деятельность. Фасмер читал в нем лекции до конца сентября 1947 г. Но у него не сложились отношения с руководящими вузом коммунистами, которые «стремились ограничить свободу» его преподавательской деятельности. Особенно напряженными были отношения с деканом философского факультета профессором Вольфгангом Штейницем (1905–1967), который, будучи финно-угроведом, взялся преподавать русский язык, русский фольклор, советскую литературу, страноведение СССР. Фасмер в 1947 г. дал отрицательный отзыв В. Штейницу как русисту [3, с. 121].

Исследователь так описывал внешний вид ученого этого времени: «Несмотря на тяжелое время, Фасмер был, как обычно, строго одет в пиджачную тройку – зимой темную, летом светлую. Карманные часы на золотой цепочке делали его облик еще более старомодным. Неизменными атрибутами высокой, выше метра восьмидесяти, фигуры были пальто и шляпа. И если Фасмера без пальто еще можно было увидеть на улице в сильную жару, то без шляпы – никогда. Он вежливо снимал ее, увидев знакомую женщину, пусть эта женщина была лишь студенткой первого семестра, а если ему с ней было по пути, – шел со шляпой в руке и открывал перед спутницей входную дверь...» [7]. Однако он не был ученым сухарем, погруженным только в свои мысли и в науку. В молодые

годы М. Фасмер мог с учениками отправить «zum Bier» – пить пиво, рассказывая им во время ресторанных посиделок анекдоты и веселые случаи из славистической жизни.

Жизнь в тогдашней Германии была тяжелой, Фасмер даже ходил собирать крапиву, чтобы чем-то питаться, а тут еще из-за плохого питания и отсутствия витаминов началась болезнь глаз, и Фасмер принял приглашение из Стокгольма и уехал с женой Эльзой в марте 1948 г. в Швецию. 2 апреля совет кураторов Стокгольмского университета назначает его ординарным профессором славянских языков с обязательством преподавания современных русского языка и литературы. Наряду с лекциями по древнерусской литературе, польской исторической фонетике и морфологии он вел в Русском институте университета семинары по древнецерковнославянскому языку [3, с. 105]. В одной из своих публикаций ученый дает такое определение этому языку: «Древнеболгарский, или древнецерковнославянский, есть основанный на одном из македонско-болгарских диалектов древнейший язык церкви у православных славян, влияние которого в Болгарии, Сербии и России ощутимо до сих пор» (цит. по: [Там же, с. 106]).

Благодаря нормальному питанию и относительно спокойной жизни болезнь глаз в Швеции у Фасмера прошла. 24 мая 1949 г., в день святых равноапостольных первоучителей, в конце своего пребывания в Швеции, Фасмер на шведском языке произнес речь о Кирилле и Мефодии. Однако в целом работа в Швеции была Фасмеру не совсем по душе. Одна из его студенток вспоминала: «Трудности для него начались, похоже, с самого начала. Одним из факторов было наверняка то, что он почти не владел шведским, а студенты не все знали немецкий. <...> К тому же в первые послевоенные годы в стране чувствовалась известная враждебность по отношению к немцам» (цит. по: [Там же, с. 129]). 23 сентября 1949 г. он пишет эстонскому лингвисту, автору этимологического словаря эстонского языка Юлиусу Мягисте (1900–1978): «Радости мне здесь было мало». Утешало только то, что у него был свободный доступ к литературе: за два шведских года Фасмер смог восстановить уничтоженную бомбежкой картотеку своего «Русского этимологического словаря».

Между тем обе части Германии хотят получить его в свой университет. 15 июня 1948 г. управление народного образования Восточного Берлина приглашает Фасмера на прежнее место работы и сообщает о назначении ему как

ученому с большими заслугами максимально годового жалования в 15 400 рейхсмарок, а также ежемесячного содержания и пенсии членам его семьи (т. е. жене Эльзе) [3, с. 127]. 8 февраля 1949 г. реорганизованный Берлинский университет получил имя Вильгельма и Александра Гумбольдтов. Фасмер предполагал вернуться в этот университет и в немецкую Академию наук и через советское консульство в Швеции начал оформление виз.

4 декабря 1948 г. в Западном Берлине был создан Свободный университет [25]. 28 января 1949 г. декан философского факультета направляет Фасмеру неофициальный запрос о его готовности стать во вновь созданном университете профессором славистики. Фасмер отвечает уклончиво. Большого доверия этот университет у него пока не вызывал. Возвратившись из Швеции, Фасмер предполагал преподавать в обеих частях города. Свободный университет в Западном Берлине, кажется, был не против этого, но коммунистическое руководство университета имени Гумбольдтов в Восточном Берлине настаивало, что ученый должен работать только у них. Фасмер был поставлен перед выбором. Он вспомнил прежние трения с деканом В. Штейницем и другими руководителями университета, которые привели к его отъезду в Швецию. Но главным толчком послужил переход в Свободный университет уважаемого им философа, профессора Йенского университета Ганса Лейзеганга (1890–1951). Норберт Рейтер вспоминал: «Фасмер рассказывал однажды, что вновь образованный университет не вызывал у него доверия. “Но когда я узнал, – сказал он, – что Лейзеганг в него пошел, я тоже пошел”» (цит. по: [3, с. 136]). В начале октября 1949 г. Фасмер уже в Берлине, он становится ординарным профессором и заведующим кафедрой славистики в Свободном университете. В своей первой публичной речи перед студентами и преподавателями Свободного университета на Рождество 1949 г. он говорил: «Пусть вас не покидает уверенность, что ваши учителя стремятся поддержать всякое серьезное усилие с вашей стороны и не забывают, что наука свободна и не переносит никаких политических или профессиональных шор» (цит. по: [Там же]).

Здесь он создает серию публикаций Славянского семинара Свободного университета. Первой книгой этой серии была диссертация его ученицы Гильдегард Шрёдер (1914–1978) о теории польского романтизма Мауриции Мохнаком. Она защитила эту диссертацию

еще в 1943 г. Макс Фасмер написал предисловие для этого издания.

Почти сразу ученый начал обрабатывать рукопись словаря. Издательство «Carl Winter» Гейдельбергского университета взялось за издание словаря. Он выходил отдельными выпусками, которые составили три тома. Первый выпуск вышел в свет в 1950 г., завершилось издание в 1958 г. Всего словарь включал 18 тысяч статей. Валентин Кипарский (1902–1983) назвал это издание *monumentum aere perennius* (памятником долговечнее меди) – словами оды Квинта Горация Флакка (65–8 годы до Р. Х.) «К Мельпомене», известными нам по эпиграфу к «Памятнику» А.С. Пушкина. Размышляя о своем словаре, М. Фасмер сказал: «Если бы мне пришлось начать работу снова, я уделил бы больше внимания калькам и семасиологической стороне» [20].

В 1956 г. в честь 70-летия Фасмера вышел юбилейный сборник [23]. Его подготовили сподвижница ученого во всех делах Маргарете Вольтнер (1897–1985) и ученик Герберт Бройер (1921–1989). Во многих публикациях указано, что сборник вышел в Берлине, но на самом деле его издало в Висбадене известное издательство «Гаррасовитц», основанное в 1872 г. Отто-Вильгельмом Гаррасовитцем (1845–1920), а в Берлине сборник был подготовлен как 9-й том публикаций славянского семинара Свободного университета. В сборнике опубликовали свои работы многие известные ученые: французский лингвист Эмиль Бенвенист (1902–1976), немецкий славист Эрвин Кошмидер (1896–1977), российско-немецкий литературовед Дмитрий Иванович Чижевский и др. В нем же был приведен список трудов Фасмера, который подготовила М. Вольтнер.

В том же году Макс Фасмер вышел на пенсию. А в 1956 г. он приехал в Москву для участия в работе Международного комитета славистов. В 1957 г. он руководит изданием первого русского обратного словаря Р. Греве и Б. Крёше, который выходит отдельными выпусками в течение двух лет [24].

В сентябре 1958 г. Фасмер снова приезжает в Москву, на этот раз он участник IV Съезда славистов, на котором в программе стояло и обсуждение его этимологического словаря. На открытии съезда он говорил по-немецки, во время дискуссии на лингвистической секции и в заключительной речи на закрытии – по-русски. В последнем выступлении он поблагодарил организаторов съезда «за оказанное нам обычное московское гостеприимство» [3, с. 105]. Во время обоих визитов Фасмера

в Москву с ним общался тогда еще молодой ученый, уроженец Сталинграда Олег Николаевич Трубачёв (1930–2002). Тогда и возникла мысль о русском переводе этимологического словаря. Узнав об этом, Фасмер пишет письмо академику Виктору Владимировичу Виноградову (1894–1969). В ответ О.Н. Трубачёв послал ему образец перевода с примерными дополнениями в квадратных скобках.

В декабре 1959 г. состоялось пятое расширенное пленарное заседание Словарной комиссии Отделения литературы и языка АН СССР, которое было посвящено обсуждению перевода этимологического словаря Макса Фасмера на русский язык. 29-летний младший научный сотрудник Института славяноведения АН СССР кандидат филологических наук Олег Николаевич Трубачёв начал переводить словарь Макса Фасмера. Договор с ним был заключен Издательством иностранной литературы еще в январе 1959 г. В апреле 1961 г. двухлетний труд был завершен [20]. Молодой переводчик признавался: «Доставляло истинное удовольствие переодевать труд Фасмера по-русски». Рецензент русского перевода Клаус Мюллер высоко оценил труд молодого русского ученого: «Объем при переводе по сравнению с немецким оригиналом вырос благодаря дополнениям Трубачёва более чем на одну треть». Словарь состоял уже из четырех томов.

В 1961 г. философский факультет Боннского университета присвоил Фасмеру звание почетного доктора (*Doctor honoris causa*). Под его руководством начал издаваться 6-томный «*Wörterbuch der Russischen Gewässeramen*» («Словарь русских гидронимов») [39].

30 ноября 1962 г. Макс Фасмер скончался. Он похоронен в Берлине на кладбище евангелического прихода Николасзее (*Nikolassee*) рядом с супругой Эльзой, умершей в 1960 г. В 1987 г. Сенат присвоил их захоронению статус почетной могилы (*Ehrengrab*).

Первый том «русского Фасмера» был издан в 1964 г., последний – в 1973 г. Тираж первого издания был 10 тысяч экземпляров. Позже словарь несколько раз переиздавался.

После кончины выдающегося ученого в основанном им журнале «*Zeitschrift für slawische Philologie*» была опубликована полная библиография его трудов и статьи учеников и последователей. Ближайшая сподвижница М. Вольтнер писала: «Не в последнюю очередь благодаря этой своей работе Фасмер войдет в историю славянской филологии как достаточно осторожный, в научном и лингвистическом отношении в высшей степени сведу-

щий ученый, этимолог, работающий по своей собственной методике, возможно, как венец и вершина совершенно определенного лингвистического направления» [38, с. 21]. 6 февраля 1963 г. в Свободном университете было проведено заседание, посвященное памяти Макса Фасмера. С обстоятельной речью выступил Валентин Кипарский, сменивший этимолога на кафедре в 1955 г. Рассказывая о трудных условиях жизни Макса Фасмера, он заканчивает речь об ученом такими словами: «И то, что он в таких обстоятельствах все же создал свои труды, заслуживает величайшего восхищения как у современников, так и у потомков» [26].

В 1964 г. было начато издание 11-томника «Russisches Geographisches Namenbuch» («Русский географический топонимический словарь»). На обложке отмечалось, что он был основан Максом Фасмером (begründet von Max Vasmer) [30]. Завершилось издание в 1989 г.

В обеих Германиях в 1986 г. было широко отмечено 100-летие со дня рождения Макса Фасмера. 28 февраля в Западном Берлине было проведено заседание, посвященное этой дате, на следующий год в издательстве «Гаррасовитц» Норберт Рейтер издал небольшую книгу памяти учителя [27]. Были опубликованы статьи в журнале «Zeitschrift für slawische Philologie» [21]. Основанный в 1956 г. в ГДР в противовес фасмеровскому журнал «Zeitschrift für Slawistik» посвятил целый номер этой дате [22; 28; 29; 37; 40; 41].

В России не забывают о своем бывшем земляке и выдающемся русско-немецком ученом, сделавшем многое для исследования русского языка и российской культуры. Обстоятельные статьи о его жизненном и творческом пути опубликовали О.Н. Трубачёв [15–17], М.И. Чернышева [20], Л.В. Куркина [9], О.В. Никитин [10], М.Т. Валиев [4] и другие исследователи [18]. Память о Максимилиане Романовиче Фасмере жива в русской лингвистике, в нашей стране.

Список литературы

1. Аникин А.Е. Омраченный юбилей [Электронный ресурс] // ТрВ-Наука. 2018. 17 мая. URL: <http://trv-science.ru/2018/05/17/omrachennyj-yubilej/> (дата обращения: 10.06.2018).
2. Благово Н.В. Школа на Васильевском острове: Историческая хроника. Ч. I: Гимназия и реальное училище Карла Мая в Санкт-Петербурге. 1856–1918. СПб.: Наука, 2005.
3. Бобрин М.А. Загадочный псалом Макса Фасмера и его биографический контекст // Slověne / Slovъne. 2012. № 1. С. 100–144.
4. Валиев М.Т. Макс и Рихард Фасмеры – время и судьбы // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVII–XX вв. / отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2012. Вып. 7. С. 291–303.
5. Волков С.С., Приёмшева М.Н. Педагогическое наследие М.И. Михельсона: к 180-летию со дня рождения лингвиста // Рус. яз. в шк. 2005. № 1. С. 56–62.
6. Гавдис В.П. Лингвистическое направление «Слова и вещи»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.
7. Демидов В. Русский немец белокурый... [Электронный вариант]. URL: <http://www.proza.ru/2012/04/02/1975> (дата обращения: 23.07.2018).
8. Корш Ф.Е. Отзыв о сочинении М.Р. Фасмера «Греко-славянские этюды. III. Греческие заимствования в русском языке» // Сборник отчетов о премиях и наградах за 1909 г. (Премии имени М.И. Михельсона). СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1912. С. 561–623.
9. Куркина Л.В. Макс Фасмер и его этимологический словарь // Рус. речь. 1990. № 5. С. 103–108.
10. Никитин О.В. М.Р. Фасмер и его «Русский этимологический словарь» // Рус. яз. 2003. № 4. С. 90–95.
11. Рева Л.Г. До біографічних джерел і творчості Ватрослава Ягича // Компаративні дослідження слов'янських мов і літератур: збірник наукових праць. Вип. 16. Київ: Вид-во Київ. нац. унт-ту ім. Тараса Шевченка, 2011. С. 333–338.
12. Сакулин П.Н. Научно-общественная деятельность А.А. Шахматова // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. 1920. Т. 25. С. 302–311.
13. Симонов Е.Д. Молодость Н.В. Крыленко // Прометей: Ист.-биограф. альманах серии «Жизнь замечательных людей» / сост. В.И. Калугин. М.: Мол. гвардия, 1983. Т. 13.
14. Толстой Н.И. Об авторе этой книги // Унбегаун Б.-О. Русские фамилии / пер. с англ.; общ. ред. Б.А. Успенского. 2-е изд., испр. М.: Прогресс, 1995. С. 434–439.
15. Трубачёв О.Н. Из работы над русским Фасмером: К вопросам теории о практике перевода // Вопр. языкознания. 1978. № 6. С. 15–24.
16. Трубачёв О.Н. Об этимологическом словаре русского языка // Вопр. языкознания. 1960. № 3. С. 60–69.
17. Трубачёв О.Н. Послесловие ко второму изданию «Этимологического словаря русского языка М. Фасмера // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. О.Н. Трубачёва; под ред. Б.А. Ларина. 2-е изд., стер. Т. I. М.: Прогресс, 1986. С. 563–573.
18. Фасмер Макс // Юдакин А.П. Ведущие языковеды мира: энциклопедия. М.: Сов. писатель, 2000. С. 754–757.

19. Чернышёв В.И. Из воспоминаний об Алексее Александровиче Шахматове (1864–1920) // Его же. Избранные труды: в 2 т. М., 1970. Т. 2. С. 655–674.
20. Чернышева М.И. Макс Фасмер (1886–1962). Очерк жизни и деятельности [Электронный ресурс]. URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_150 (дата обращения: 14.08.2018).
21. Brauer H., Brang P. Dem Gedenken an Max Vasmer zur 100. Wiederkehr seines Geburtstages am 28. Februar 1986 // Zeitschrift für slawische Philologie. 1986. Bd. XLVI. S. VII–XI.
22. Eichler E. Der Beitrag Vasmers zur slawischen Altertumskunde und Namenforschung // Zeitschrift für Slawistik. 1986. Bd. 31. H. 5. S. 635–641.
23. Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28. Februar 1956 / Zusammengestellt von M. Woltner und H. Bräuer. (=Veröffentl. der Abt. für slavischen Sprachen und Literatur des Osteuropa-Instituts [Slavisches Seminar] an der Freien Universität Berlin, 9). Wiesbaden: Harrassowitz, 1956.
24. Greve R., Kroesche B. Rückläufiges russisches Wörterbuch / unter Leitung von M. Vasmer; Osteuropa Institut an der Freien Universität, Berlin. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1957–1958.
25. Hoffmann J., Seidel H., Baratella N. Geschichte der Freien Universität Berlin: Ereignisse – Orte – Personen. Berlin: Frank & Timme, 2008.
26. Kiparsky V. [Gedenkrede] // Akademische Gedenkfeier der Freien Universität Berlin für Max Vasmer am 6. Februar 1963 im Osteuropa-Institut an der Freien Universität Berlin. Berlin, 1963. S. 1, 9–22.
27. Max Vasmer zum 100. Geburtstag / Hrsg. von N. Reiter. Berlin, Wiesbaden: Harrassowitz, 1987.
28. Metsk F. Zu Vasmers Verdiensten um die Forderung der Sorabistik seiner Zeit // Zeitschrift für Slawistik. 1986. Bd. 31. H. 5. S. 693–701.
29. Pohrt H. Vasmer und die Anfanges des Slavischen Institutes an der Universität Berlin // Zeitschrift für Slawistik. 1986. Bd. 31. H. 5. S. 654–662.
30. Russisches Geographisches Namenbuch. Begründet von Max Vasmer, herausgegeben von Herbert Bräuer im Auftrag der Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Mainz. Bearbeitet von Ingrid Coper, Ingeborg Doerfer, Hans-Jochen Pasenow, Klaus Piperek, Marit Podeschwik, Jürgen Prinz, Georg Viktor Schulz und Rita Siegmann. Band I–X. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1964–1981. Band XI (Ergänzungen und Nachträge). 1988. Kartenband, 1989.
31. Schaller H.W. Geschichte der slawischen und baltischen Philologie an der Universität Königsberg. Frankfurt/M.: PeterLang, 2009.
32. Vasmer M. Bausteine zur Geschichte der deutsch-slavischen geistigen Beziehungen. Berlin, 1938.
33. Vasmer M. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung. Berlin: Walter de Gruyter, 1941 (Preuss. Akad. d. Wiss., Vorträge und Schriften, 5).
34. Vasmer M. Die Slaven in Greichenland. Berlin: Walter de Gruyter, 1941 (Abh. d. Preuss. Akad. d. Wiss., Philos.-hist. Kl., 12).
35. Vasmer M. Die Urheimat der Slaven // Der ostdeutsche Volksboden / Hrsg. von W. Volz. Breslau: FerdinandHirt, 1926. S. 118–143.
36. Vasmer M. Ein russisch-byzantinisches Gesprächsbuch: Beiträge zur Erforschung der älteren russischen Lexikographie. Leipzig: Markert & Petters, 1922.
37. Wiemers G. Vasmer und die wissenschaftlichen Gesellschaften in Leipzig (1921–1925) // Zeitschrift für Slawistik. 1986. Bd. 31. H. 5. S. 642–653.
38. Woltner M. Max Vasmer // Zeitschrift für slawische Philologie. 1963. Bd. XXXI. H. 1. S. 1–21.
39. Wörterbuch der Russischen Gewässernamen / zusammengestellt von A. Kernd'l, R. Richhardt und W. Eisold unter Leitung von Max Vasmer. B. I–V, VI (Nachtrag). Berlin; Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1961–1973.
40. Zeil L. Vasmers Wirken als Mitglied der Berliner Akademie der Wissenschaften // Zeitschrift für Slawistik. 1986. Bd. 31. H. 5. S. 676–692.
41. Zeil W. Vasmers Beitrag zur Entwicklung der deutschen Slawistik // Zeitschrift für Slawistik. 1986. Bd. 31. H. 5. S. 663–675.

* * *

1. Anikin A.E. Omrachennyj jubilej [Jelektronnyj resurs] // TrV-Nauka. 2018. 17 maja. URL: <http://trv-science.ru/2018/05/17/omrachennyj-yubilej/> (data obrashhenija: 10.06.2018).
2. Blagovo N.V. Shkola na Vasil'evskom ostrove: Istoricheskaja hronika. Ch. I: Gimnazija i real'noe uchilishhe Karla Maja v Sankt-Peterburge. 1856–1918. SPb.: Nauka, 2005.
3. Bobrik M.A. Zagadochnyj psalom Maksa Fasmera i ego biograficheskij kontekst // Slověne / Slovene. 2012. № 1. S. 100–144.
4. Valiev M.T. Maks i Rihard Fasmera – vremja i sud'by // Nemcy v Sankt-Peterburge: Biograficheskij aspekt. XVII–XX vv. / otv. red. T.A. Shradler. SPb.: Izd-vo MAJe RAN, 2012. Vyp. 7. S. 291–303.
5. Volkov S.S., Prijomyshveva M.N. Pedagogicheskoe nasledie M.I. Mihel'sona: k 180-letiju so dnja rozhdenija lingvista // Rus. jaz. v shk. 2005. № 1. S. 56–62.
6. Gavdis V.P. Lingvisticheskoe napravlenie «Slova i veshhi»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1974.
7. Demidov V. Russkij nemeц belokuryj... [Jelektronnyj variant]. URL: <http://www.proza.ru/2012/04/02/1975> (data obrashhenija: 23.07.2018).
8. Korsh F.E. Otzyv o sochinenii M.R. Fasmera «Greko-slavjanskije jetjudy. III. Grecheskie zaimstvovanija v russkom jazyke» // Sbornik otchetov o premijah i nagradah za 1909 g. (Premii imeni M.I. Mihel'sona). SPb.: Tip. Imp. akad. nauk, 1912. S. 561–623.

9. Kurkina L.V. Maks Fasmer i ego jetimologicheskij slovar' // *Rus. rech'*. 1990. № 5. S. 103–108.
10. Nikitin O.V. M.R. Fasmer i ego «Russkij jetimologicheskij slovar'» // *Rus. jaz.* 2003. № 4. S. 90–95.
11. Reva L.G. Do biografichnih dzherel i tvorčosti Vatroslava Jagicha // *Komparativni doslidzhenja slov'jans'kih mov i literatur: zbirnik naukovih prac'*. Vip. 16. Kiiv: Vid-vo Kiiv. nac. unt-tu im. Tarasa Shevčenka, 2011. S. 333–338.
12. Sakulin P.N. Nauchno-obshhestvennaja dejatel'nost' A.A. Shahmatova // *Izvestija otdelenija ruskogo jazyka i slovesnosti Akademii nauk*. 1920. T. 25. S. 302–311.
13. Simonov E.D. Molodost' N.V. Krylenko // *Prometej: Ist.-biogr. al'manah serii «Zhizn' zamechatel'nyh ljudej»* / sost. V.I. Kalugin. M.: Mol. gvardija, 1983. T. 13.
14. Tolstoj N.I. Ob avtore jetoj knigi // *Unbe-gaun B.-O. Russkie familii* / per. s angl.; obshh. red. B.A. Uspenskogo. 2-e izd., ispr. M.: Progress, 1995. S. 434–439.
15. Trubachjov O.N. Iz raboty nad russkim Fasmerom: K voprosam teorii o praktiki perevoda // *Vopr. jazykoznanija*. 1978. № 6. S. 15–24.
16. Trubachjov O.N. Ob jetimologicheskom slovare ruskogo jazyka // *Vopr. jazykoznanija*. 1960. № 3. S. 60–69.
17. Trubachjov O.N. Posleslovie ko vtoromu izdaniju «Jetimologicheskogo slovarja ruskogo jazyka M. Fasmera // Fasmer M. *Jetimologicheskij slovar' ruskogo jazyka* / per. s nem. O.N. Trubachjova; pod red. B.A. Larina. 2-e izd., ster. T. I. M.: Progress, 1986. S. 563–573.
18. Fasmer Maks // *Judakin A.P. Vedushhie jazykovedy mira: jenciklopedija*. M.: Sov. pisatel', 2000. S. 754–757.
19. Chernyshjov V.I. Iz vospominanij ob Aleksee Aleksandroviche Shahmatove (1864–1920) // *Ego zhe. Izbrannye trudy: v 2 t. M.*, 1970. T. 2. S. 655–674.
20. Chernysheva M.I. Maks Fasmer (1886–1962). *Oчерk zhizni i dejatel'nosti* [Jelektronnyj resurs]. URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_150 (data obrashhenija: 14.08.2018).

